

Василий Андреевич Жуковский.

Жуковский Василий Андреевич (1783-1852) — русский поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма.

Уже в те годы поэт делает первые пробы пера, наиболее значительные из которых — стихотворение «Майское утро» (1797) и прозаический отрывок «Мысли при гробнице» (1797), написанные явно под влиянием Н. Карамзина и его «Бедной Лизы». Сложилось так, что именно Карамзин — кумир тогдашней молодежи, известный писатель, стал для начинающего поэта и старшим другом, и литературным критиком. После того, как состоялось их знакомство, Жуковский отдает на суд старшему товарищу свой перевод элегии английского поэта Томаса Грея «Сельское кладбище». В том же 1802 переработанная элегия благодаря стараниям Карамзина, тогдашнего издателя «Вестника Европы», была опубликована в этом престижном журнале. С этой-то публикации начинает восходить звезда Василия Андреевича и распространяться его слава как тонкого лирика, мастера «пейзажа души», по выражению историка литературы А. Веселовского.

Недаром назвал поэта «Литературным Колумбом Руси» Белинский. Дымка таинственности, существование как бы на грани двух миров - видимого и невидимого, сосредоточенность на чувствах души — все эти неизменные спутники романтизма давали критику полное право назвать Василия Андреевича Жуковского одним из создателей новой русской поэзии, открывшим «Америку романтизма».

В то же время Жуковский мог быть и человеком действия, и беспристрастным критиком, и организатором. Уже в 1808 он становится у кормила журнала «Вестник Европы» и в свои 25 лет успешно справляется с обязанностями главного редактора. При этом он успевает переводить, писать сказки, стихи, литературно-критические статьи, рецензии...

Расцветает и талант самого Жуковского. В 1808 литературная общественность была взбудоражена неожиданной публикацией. Ценители изящной словесности могли прочитать на страницах того же «Вестника Европы» первую балладу Жуковского под названием «Людмила» - как и многие другие сочинения автора в том же жанре, — вольный перевод, в данном случае немецкого поэта Г. Бюргера.

Следующая баллада Жуковского — «Светлана», уже не перевод, а оригинальное произведение, так полюбилась российскому читателю, так органично слилась с народной жизнью, что строки из нее уже многие годы спустя напевали над детской колыбелью: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали: За ворота башмачок, Сняв с ноги, бросали...»

Позже, в оригинальной балладе Жуковского «Эолова арфа» (1814) читатель находит редкое сочетание лирической стихии и балладной поэзии. Лейтмотив двоемирия, проходящий через все творчество поэта, особенно после смерти Маши Протасовой, звучит здесь особенно пронзительно: героиня баллады не умирает, а «плавно переходит» в «очарованное там», где и наступает соединение с возлюбленным.

Но не только «преданья старины глубокой», не только «звуки сладкие и молитвы» вдохновляли музу Жуковского. Звон бранного оружия во имя чести Родины, свист «канонады дьявольской» во времена тягостных испытаний войны 1812 года знал поэт не понаслышке. В чине поручика ополчения дошел аж до самой Вильны, да и муза его уже готова была петь на иной лад: «сокровенная жизнь сердца» теперь стала жизнью всей нации, душа которой пульсировала в унисон каждому сердцу и составляла единое духовное целое.

«Певец во стане русских воинов» — «романтическая ода», которая, по словам литературоведа Коровина, «очаровала современников интимным, личным преломлением патриотической темы», и недаром Россия в «Певце...» - «не Отечество, а «милая Родина», дорогая сердцу воспоминаниями детства». По рассказу писателя И. Лажечникова, стихами из «Певца...» зачитывались на фронте, выучивали наизусть, разбирали... Она поднимала боевой дух, вдохновляла на ратные подвиги, а порою и вызывала на глазах закаленных в боях воинов «скупую мужскую слезу»:

Там все — там родших милый дом:
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их отрада;
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

